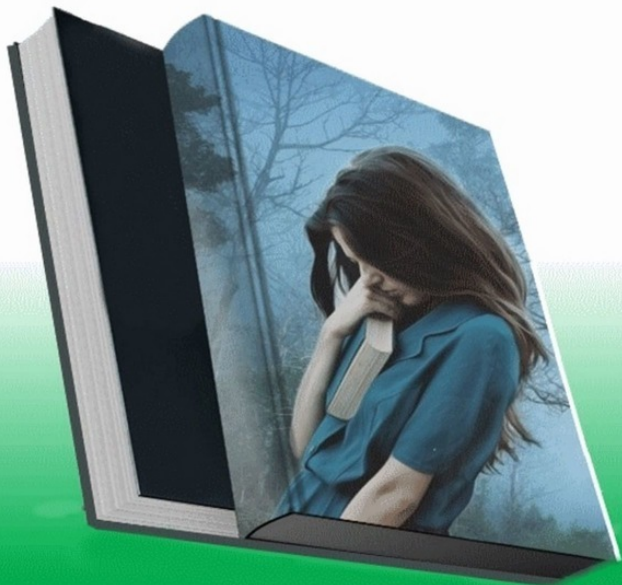

Е.Ермак
Очень
скрытная особа

Е. Ермак
Очень скрытная
особа. Детектив

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40521660
ISBN 9785449627261*

Аннотация

Всем известно, что в старинных замках живут привидения. Мрачный призрак в окнах полуразрушенного дворца никого не удивит. Может ли современная квартира, обставленная в стиле модерн, похвастаться собственным домовым? Одна очень скрытная особа прочувствовала на себе плохую ауру человеческого жилья.

Содержание

Апрель 2018	5
Весна 2017.	9
2	40
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Очень скрытная особа Детектив

Е. Ермак

Дизайнер обложки Любовь Петровна Ревенко

© Е. Ермак, 2019

© Любовь Петровна Ревенко, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4496-2726-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Апрель 2018

Вот это да! Она уснула! Так невероятно перетрудилась? Всегда в этой квартире с ней происходят странные вещи. Жанна так нервничает, что придет он, переживает, что ему не понравится, и они откажутся от ее услуг. Даже не они, а он. Его жена вечно у него на поводу, его бесшумная тень.

Жанна, словно Алиса в стране чудес, не могла толком выпрямиться и растянуть скованные неудобным положением руки и ноги. Шея тоже затекла. Как ей удалось тут уснуть? В этом царстве его белых халатов, темно-синих рабочих костюмов, бежевых роб. Который теперь час? Есть ли кто в квартире? Как ей выпутаться, скрыв себя или на худой конец своё ненормальное поведение? Придется расстаться с этими людьми! Ну и ладно! Это к лучшему! Пусть его жена одна варится в котле обожания и восхищения им. С нее, Жанны, хватит!

Жанна приоткрыла дверь гардеробной и взгляделась в темноту. Тихо, мрак, шум холодильника на кухне. Следующий шаг Жанна уговорила себя сделать нескоро. Она вдруг представила, что сейчас включится свет, и эти двое предстанут перед ней в своих ночных одеждах, она – в пижаме, а он в белой футболке и шортах. Они будут смотреть на нее, приподнимая брови, а потом мужчина возьмёт телефон и вызовет полицию или психиатрическую бригаду. Жанна начнет лепе-

тать, что это всё дурацкая случайность, она не специально, сработал какой-то ненужный в обществе инстинкт.

Черт! Жанна сделала ещё шагок, ещё и ещё. Медленно проступали очертания предметов в этой наизусть выученной квартире. Вот кухня, вот его кабинет. Их спальня в глубине квартиры. Жанна-таки исхитрится выйти незамеченной! Но все равно больше сюда не вернётся! Пусть ищут другую Жанну! Прихожая просторная. Ребенок может тут смело кататься на велосипеде, но детей у пары нет. Он, наверное, не хочет, а его слово для нее закон...

Ещё шаг. Вот висит серая куртка Жанны. Они даже ее не заметили! Может, потому, что уж больно она похожа на весь гардероб его жены. Все неприметное, неотличимое в толпе. Если бы Жанна пришла в своей шубке, всё случилось бы иначе. Ее присутствие обнаружилось бы очень быстро. Глаза уже привыкли к темноте, Жанна все увереннее продвигалась к выходу из злополучной квартиры и из своего неловкого положения. Вот уже поблескивает серебряными полосами ручка двери. Каких-то пять шажков, и Жанна спасена. Однако гладкий пол преподнес чудовищный сюрприз.

Делая очередной бесшумный шаг, девушка споткнулась обо что-то, по ощущениям резиновое и в то же время хрупкое. Жанна словно наступила на узенький лежащий полицейский. Она посмотрела вниз. Что-то невероятно белое лежит на темном полу. Что-то уронили. Жанна чуть не включила свет, но вовремя опомнилась. Достала из кармана теле-

фон и осветила помешавший ей идти предмет. О! Лучше бы она этого не делала! Лучше бы она прошла на метр дальше от стены! Лучше бы она никогда не знала этого хирурга и эту, эту... Его мертвую жену.

Жанна споткнулась о ее руку, белую, оголенную нежную женскую руку. Впритык к стене лежала хозяйка квартиры. Жанна осветила лицо женщины. Глаза открыты, волосы разметались вокруг лица, на виске блестит красная жижа. Кровь. Жанна настолько привыкла быть осторожной за все время пребывания в гардеробной этой квартиры, что не смогла закричать. Она шепотом прохрипела что-то нечленораздельное, нащупала выключатель, резкий свет бросился в глаза. Жанна заставила себя перестать смотреть на мертвое тело и, уже не таясь, пошла в спальню. Она хотела разбудить мужа бедной женщины. Пусть еще кто-то другой увидит этот ужас, кроме нее.

Жанна никогда не встречалась так близко со смертью. В прихожей пахло кровью, мокрым железом, это было отвратительно и жутко. В спальне никого не оказалось, как не оказалось и в других комнатах. Квартира была пуста. Только Жанна и эта женщина. От ужаса и сумасшедшей тишины к Жанне вернулся голос, и она закричала: «Помогите! Кто-нибудь! Помогите!». Через минуту она поняла, что никто на помощь приходить не собирается, и, если рассуждать логически, то помогать некому. Женщину не оживить. Следует позвонить в полицию, но сначала Жанна покинет квартиру.

Она сняла свою серую куртку с крючка, достала из кармана ключи и почему-то на цыпочках подошла к двери. В последний раз обернулась на несчастную женщину, толкнула оказавшейся незапертой дверь и вышла в подъезд.

Весна 2017.

Сегодня, как никогда раньше, во всяком случае, она изо всех сил на это надеялась, Карина злилась на дочку. Ну, да, да, бросайте в нее камни, малышке всего-то четыре года. И вела она себя именно так, как и сама Карина в детстве. То бишь – не слушала, не слышала, с азартом пренебрегала. Сегодня, например, дочка перепрыгивала через коричневое месиво луж, упала и жирно испачкала одну коленку. Карина схватила дочку за шиворот и стала судорожно снимать штанину, испугавшись, что грязь просочится на белые колготки, поддетые под испачканные брюки. Они спешили на танцы, куда Карина водила дочь уже почти год. Опять-таки, да, да! Они могли бы не спешить, а идти аккуратно, медленно, улыбаясь друг другу, мило и чинно, если бы Карина выключила бы на десять минут раньше фильм ужасов. Всё могло быть иначе.

Сейчас неприятно от своей вспышки эмоций, от обидных слов и резкой физической грубости, которые позволила себе Карина. Ведь утром это они играли с дочкой в излюбленную малышкой игру. Девочка с разбегу прыгала матери на руки, отталкиваясь ножками от дивана, а Карина кружила ее и кружила.

Материнское сердце ее пело, благословляя слепую веру малышки в то, что мать ее поймает. Карина смотрела на се-

бя со стороны, какой ее видят другие люди, и досада брала за то, что ей важен их взгляд. И даже их взгляд не мог остановить жесткость Карины. Дочка росла очень милой, нежной, смышлёной и, и... отвратительно непослушной! Карина сидела в коридоре, ожидая завершения часового занятия, и надеялась успеть за это время простить себе несовершенное поведение.

Она перебирала в голове возможные оправдания: полная луна – да,

женский цикл – нет, желание досмотреть фильм ужасов – да, да! Но это трудно считать оправданием. Карина смотрела фильм в свободный день от работы, единственный, вышедший на этой неделе. Она сама себе начальница, однако пренебрегать запросами клиенток – путь к долговой яме. Карина оказывала косметологические услуги на дому, так себе работа, правда? Впрочем, подбивая к концу всякого месяца итоги, Карина могла себя считать успешной. Она была популярна среди желающих улучшить свой внешний вид. И не потому, что ее руки мастерски выполняли свою работу. Женщины ценили в Карине ее лёгкость, общительность и деликатность. За полтора часа, которые ее клиентки лежали с закрытыми глазами, происходила метаморфоза, непонятная им самим. Не иначе, как Карина владела гипнозом, а может, сама беззащитная поза клиентки располагала к откровениям. Однако, бывают люди, которых избегаешь после того, как открыл им душу. Становится неловко, некомфортно,

обидно, что выболтал сокровенное не тому человеку, не так и не теми словами. Карина из другого теста, прирожденный психотерапевт, умеющий хранить тайны исповеди. У нее были карие глаза, черные кудри и мягкие руки. Тем не менее располагало в ней не это. Клиентка не видит внешнее в Карине, не это заставляет ее доверять. Что-то другое. Карина перестала анализировать причины подобного отношения к ней ещё в детстве. Так было всегда. Подойдёт незнакомая девочка с соседнего двора или парень призывного для армии возраста и начинает рассказывать свои проблемы. Карина слушает, слова летят мимо, не затрагивая души, а собеседнику легче. Такая особенность Карины держала её финансовые потоки в нужном направлении.

Карина поздоровалась со знакомой девушкой, которая только пришла и вела за руку свою дочь. Скоро начнется следующее часовое занятие. Значит, сейчас выбежит ее Оля и кинется ей на руки, забыв ссоры и обиды. А Карина до сих пор не сумела забыть и простить себя. Осталось последнее проверенное средство. Она достала телефон и набрала Жанну:

– Алло, привет, говори, у меня через пять минут совещание! – в голосе чудится улыбка.

– Привет, а я в расстроенных чувствах... – игнорируя слово «совещание», еле слышно пробормотала Карина. Жанна отложит совещание, если звонит Карина.

– Говори!

– Поругались с Ольгой! Она упала в лужу и испачкалась.

– Ясно! Продолжай!

– Мне неприятно, обидно, грустно... Я накричала на нее, толкнула. Стыдно мне...

– Это всё? – бодро уточнила Жанна.

– Да...

– Теперь слушай. Внимательно! Слушаешь? Ты не виновата! Никто не виноват! Так бывает, и это уже в прошлом! Исправляй настоящее. Прошлое ушло!

– Я постараюсь... – проямлила Карина.

– У тебя нет выбора! Я побежала. Партнёры из Германии уже на часы пялятся. Чао! Ольге приветики! Ты лучшая мама для неё!

Жанна прервала разговор и прислонилась лбом к окну одного из самых высоких зданий в столице. «О, да, она многого достигла!». Не дай бог, отсюда свалиться. Останется только мокрое место. Сейчас дождь? Значит, даже мокрого пятнышка не оставит ее тело на бездушном асфальте. Жанна с трудом выкинула из головы мысли о тщетности своего существования и вернулась к работе. Никто за нее трудиться не будет. Жанна – настоящий профессионал. И дело не только в результате ее работы. Жанна горит своим делом, любит его и всегда желала заниматься именно им.

Конечно, ей туго приходилось в те моменты, когда ее вторая подруга Светлана принималась обсуждать нюансы той или иной сделки, или со знанием дела комментировать со-

бытия на современном финансовом рынке. Жанна избегала подобных бесед, пуская в ход всю свою сообразительность. Светлана обижалась. Она строила карьеру финансового аналитика на крупном предприятии среди очень жёстких мужчин и женщин. Стоило разок оступиться, и риск быть уволенной вырастал в геометрической прогрессии. Светлана ещё слишком молода и неопытна, чтобы чувствовать себя в своей тарелке за длинным столом в переговорной. То и дело Светлана вскидывает глаза на шефа, пытаюсь понять своё негласное положение в иерархии. Если судить по ее должности, то она имеет право на голос, однако Светлана уже столкнулась с непререкаемым авторитетом более опытных специалистов в ее фирме. Уже несколько раз на переговорах ее речь была не услышанной или даже опровергнутой опытными коллегами. Светлана ждала вечера пятницы, когда сможет посоветоваться с Жанной. Ведь подруга крутится примерно в той же профессиональной среде, что и она.

Но Жанна старательно пресекала разговоры на рабочие темы:

– Столько тумана пускает, будто их фирма занимается торговлей людьми, а не банковскими услугами! – пожаловалась как-то Светлана Карине.

Был вечер пятницы. Молодые женщины пили чай на кухне у Карины. На круглом столе, старомодно покрытым тяжёлой бордовой скатертью, стояла вазочка с финиками. Оля, дочка Карины, иногда отвлекаясь от просмотра мультиков,

прибегала на кухню и брала из вазы очередной финик.

– Они без косточек? – внезапно нахмурившись, уточнила Карина. – Жанна в этом месяце, вообще, нас забросила. Вы обе жуткие карьеристки! То ли дело я!

Карина подошла к окну, за которым виднелись вечерние огни города. В темном отражении она показалась себе стройнее. Карина была высокой, впрочем, не выше Светы, гибкой, с женственными крепкими бедрами. Ее фигура привлекала мужчин, но ее лицо – с красивыми миндалевидными глазами, аккуратным ртом и большим острым носом с горбинкой мужчин пугало. Внешность Карины была слишком строгой для них, избыточно совершенной. В лице мягкости не было, девичьей покорности и всепрощения. Поэтому Карина развелась с отцом Ольги. Не смогла и не захотела прощать молодого гуляку. И пусть под ее карими глазами залегли темные тени усталости, Карина не жалела о разводе. Она всё успевала сама и нянчить, и зарабатывать, и с удовольствием тратить. Недавно она закупила для клиенток дорогушей уходовой косметики, и руки чесались начать работать с ней.

– А ну, ложись, Света! Сегодня твой день! – азартно предложила Карина подруге.

– Ага, опять африканские косички на мне тренировать будешь! После твоего прошлого плетения у меня залысины! – возмутилась Света, но заинтересовалась батареей тубиков, которые вытаскивала Карина из фирменного чемоданчика.

– Ложись, ложись, я сделаю из тебя человека.

– А сейчас я кто, по-твоему? – спросила Света, располагаясь на профессиональном массажном столе, который Карина установила в своей просторной кухне.

Светлана закрыла веки, и лица коллег понеслись перед внутренним взором, сменяя гримасы на физиономиях и костюмы на телах.

– Расслабь мышцы, у тебя вместо личика железная маска, – Карина достала специальную плоскую силиконовую кисть для нанесения косметического состава.

Света попыталась выкинуть из головы высокомерие своего секретаря. Казалось бы, работа этой сотрудницы – облегчать труд Светланы, а на деле – ее секретарь выказывает ей постоянно неуважение, о дисциплине можно даже не заикаться. Сегодня, например, утром Света все утро провела в своём кабинете одна, отвечая на телефонные звонки, адресованные ее секретарю. Сама сотрудница заявила на рабочем месте к обеду без видимых признаков огорчения или неловкости. Оказывается, она вчера отравилась, но поставить в известность свою шефиню не смогла – случайно стёрла ее номер мобильного.

– Опять ты хмуришься! – с досадой сказала Карина.

Она покрыла лоб ядовито зелёной массой, которая уже успела застыть не ровным слоем, а с двумя линеечками поперечных морщин. Карина принялась накладывать маску на правую щёку, потом на левую, аккуратно водя кистью по массажным линиям. От уголков носа к вискам, от уголков

рта к ушам.

– Как ощущение, Свет? Как будто мелкие иголки? Только не говори, глазами моргни.

Подруга старательно открыла и закрыла глаза.

– Правильно! Так и должно быть. Эта маска очень эффективна. С одного применения убирает пигментацию и мелкие мимические морщинки! Ладно, ты лежи, думай о хорошем. Я пойду к Ольге схожу, чего-то она давно не прибежала.

Светлана хотела произнести слова согласия, но потом вспомнила, что нельзя говорить. Карина вышла из кухни. Светлана закрыла глаза. В тишине мерно шумел холодильник. Уличный гул слышался отдаленно и способствовал дреме. Молодая женщина почувствовала, как засыпает. Вспомнились их студенческие годы, когда они втроем постигали премудрости мировой банковской системы. Жанна училась блестяще, гораздо лучше Карины и Светы. Она схватывала на лету то, над чем ее подругам приходилось корпеть короткие ночи перед экзаменами и зачетами. Потом Светлана стала думать о Жанне, о том, какая она хорошая подруга. Выслушает и поддержит, и поймет. Потом Светлана внезапно вспомнила Жанну, лежащую, как и она сейчас с маской на лице. Только не здесь, в уютном жилище Карины, а у них на кровати в студенческом общежитии.

Жанна вычитала рецепт приготовления маски в каком-то журнале. Он ей приглянулся от того, что был лёгким и не требовал значительных денежных трат. Подумаешь, от-

делить яичный желток от белка. Ну и что, не с первого раза всё равно получилось. Запах? Да... Красота требует... Белок в несколько слоев туго стянул кожу на лице Жанны. Она легла и вдруг начала задыхаться. Только свои проблемы озвучила не сразу. Сначала Жанна пыталась глубоко дышать, чтобы прекратить панику, потом не выдержала и стала тихонечко стонать. Карина со Светой и не обращали внимания на лежавшую девушку. Занимались своими делами. Карина разлепляла свои густо накрашенные ресницы иголкой, Света переписывала формулы и готовила шпаргалки для очередного зачёта. А Жанна стала кричать, чтобы ей помогли встать и смыть яичную маску. У нее случилась истерика. Застывший белок, сковавший рот, растрескался и из уголков губ полилась кровь. Жанна рыдала, а Карина обтирала ее кожу влажным полотенцем.

– Ну-ну, дышите глубоко, чего ты? – с беспокойством спрашивала Карина.

– Не знаю. Мне стало страшно из-за того, что я не могу шевельнуть ртом или лбом.

– Так это маска. А что здесь особенного? Что здесь страшного?

– Знаешь, как будто дышать не могла. Испугалась.

Карина пожала плечами:

– Ну ты даёшь!

А Света, стоявшая за спиной Жанны, покрутила пальцем у виска.

Жанна была среди них троих самой сообразительной и самой впечатлительной. Ей нравилось вести долгие разговоры по вечерам о смысле жизни, о таинственных случаях, о мистических загадках. Карина иногда поддерживала разговор с Жанной далеко за полночь, пока Светлана не вмешивалась и не просила их прекратить:

– Девочки, я вас придушу и будет вам мистика! Найдут утром два трупа. Вот загадка века!

Карина хохотала, а Жанна умоляла не шутить с такими вещами:

– Побойся бога! Слова имеют силу. Как подумаю об этом, так говорить боюсь.

– Что-то не видно. Болтаешь и болтаешь, а скоро утро!

И они, юные и полные энергией, засыпали. Они, не знакомые с бессонницей и настоящими взрослыми неприятностями, моментально погружались в царство невероятных событий.

Жанна устало поправила волосы. День выдался не из лёгких. Плата за него вскоре осядет на счету у Жанны. Достойная плата за любимую работу. И как у нее вышло так? Ей одной из тысяч людей перепало совпадение самого желанного труда для нее и способа зарабатывания денег. Жанна имела очень и очень неплохой доход. Если она занималась одновременно несколькими заказами и не брала выходных, то за месяц могла купить автомобиль. Подержанный, конечно, но всё же. Ещё раз удовлетворённо проверив плоды своих

трудов, Жанна вышла из прекрасного кабинета, обставленного в полном соответствии с ее вкусом. Квадратная комната с высоким потолком и массивной старинной люстрой. Светлые стены гармонировали с изумрудными тяжёлыми портьерами. На широком столе лампа с зелёным абажуром, дающая мягкое освещение сидящему за работой или за чтением одной из многочисленных книг. Книг в кабинете немало. Целая коллекция, рассортированная пофамильно и даже по жанрам. Жанна чуть дольше задержалась на пороге, вспоминая, ничего ли она не забыла. Потом тряхнула своей роскошной шевелюрой, высвобождая волосы от резинки, стягивающей их в строгий хвост. Ну, что ж, если она чего и забыла, ей обязательно это сообщат.

На улице было прохладно. Ранняя весна, обманчиво теплая и солнечная. Снег сошёл, на ветках деревьев обозначились пышные почки. Жанна одела темные очки и обмотала шею газовым шарфиком. На ходу достала из сумочки блеск для губ и без зеркала нанесла его двумя точными движениями. Не быть ей Кариной! Многоэтапные прихорашивания и изысканный макияж надоел Жанне ещё во студенчестве. Карине нужны были модели для оттачивания своих новоприобретенных навыков, которые она получала на курсах по косметологии.

– Зачем ты на них пошла? Ты бы лучше Прикладную математику подтянула, пока у нас каникулы!

– Вот ещё! Каждый семестр одно и то же. Не тот я инсти-

тут выбрала. Ну да, ладно! Папа так хотел? Получай, диплом, отец. А курсы эти мне для души. Я созидатель, Света! Это вы с Жанной скучные счетоводы, а я хочу творить, – последние слова Карина пропела неприятным фальцетом.

Жанна лёгким чуть подпрыгивающим шагом шла по улице. Было ещё не поздно, а ее трудовые подвиги на сегодня завершены. Вот очередная причина любить свою работу. Жанна обожала возвращаться домой в то время, когда остальное человечество с нормированным графиком только подумывало об этом.

Метров за двадцать Жанна заметила его. Своей походочкой накаченного борца он приближался к ней. Широко расставленные ноги ступали по асфальту, энергично пружиня. Жанна допускала мысль, что мужчина не узнает ее. Она очень этого бы хотела. Глупая гордость не позволяла ей свернуть с дороги, чтобы не идти ему навстречу. Она лучше вытерпит эту незначительную по времени пытку до конца, чем покажется неадекватной. Наверняка, мужчина давно уже догадался, какие эмоции он вызывает у женщин. Ещё бы! Такой красавец, гармоничное лицо, прямой нос, темные брови, слегка девичий рот – все сделано природой на «отлично», по самым изысканным лекалам. Может, оттого его мать отдала сына на борьбу, чтобы из сахарного малыша получился мужественный подросток. Как бы то ни было, Жанна прошептала «здравствуйте», мужчина, похоже, не заметил ни ее ни ее слов, чем она была довольна. Обычно, когда они виде-

лись с ним, Жанна была не накрашена, со строгой прической и в одежде, не предназначенной для гуляния. Мужчины такие невнимательные!

У Жанны была квартира в хорошем районе. Ее жилище подруги называли музеем, так там было всё выскоблено и вычищено. Она жила одна, и с наведением порядка особых проблем не испытывала. Тем более что убиралась в своей квартире она молниеносно по времени и профессионально по качеству.

Оказавшись дома, Жанна наполнила водой ванну и насыпала туда соли. В высокий тонкий бокал она налила немного ананасового сока, взяла ручку и свой личный дневник. Ей хотелось описать свои чувства к тому мужчине, объяснить себе со страничек, заполненных ее аккуратным почерком, что ее выдуманный роман с ним – это путь в никуда.

Жанна могла проводить в ванной большую часть дня, как водяной или русалка. Она любила находиться в воде. Одно из приятнейших занятий: взять с собой книгу, телефон, фрукты, дневник с ручкой и лежать в ванной, время от времени добавляя горячую в остывшую воду. Только сегодня она забыла телефон и уже минут через 10 своего пребывания в блаженной теплой невесомости пожалела об этом. Это, наверняка, Карина! Ничего особенного ее не беспокоит: либо отношения с дочкой, либо капризные клиентки. Но ведь звонить будет до победного конца. Жанна встала из своей купели, дотянулась рукой до полотенца и хотела закутаться

в него. Телефон перестал звонить в тот момент, когда одна нога стояла на полу. Жанна ощутила холод от пола и с досадой поставила ногу обратно в воду. Авось, больше не позвонит! Она снова уютно расположилась в ванной, положила на подставку дневник и стала писать.

Карина в двух километрах от Жанны и ее ванной нажала на телефоне кнопку отбоя и швырнула телефон. Перед броском она предусмотрительно направила руку в сторону мягкого дивана, чтобы не покупать в этом месяце второй аппарат. Но телефон, как назло, отскочил от упругой поверхности и по инерции отлетел в стену. Что за день! Что за клиенты!

Сегодня всё началось вполне мирно. Ольга спокойно пошла в садик. Карина со своим чемоданчиком, полным чудесами косметики, отправилась к одной из постоянных клиенток. У молодой женщины намечалась свадьба, и они с Кариной решили попробовать несколько образов, чтобы в ответственный день не делать макияж с «бухты-барахты». Конечно, Карина по себе знала, сколько ненужной суеты приходится пережить новобрачной, сколько это отнимает нервов и времени. У нее у самой случались истерики в тот период, но, чтобы так, как эта ее клиентка себя вести? Она придиралась ко всему, к цвету, к фактуре, к запаху! Карина первый час держала себя в руках, второй – еле сдерживалась, на третьем часу визита Карина объявила, что она не служанка, а профессионал, покинула квартиру и в спину услышала

много нелестных слов. Эта клиентка опять заставила Карину дать себе зарок принимать жаждущих красоты только у себя на дому. Она заметила, что женщины не позволяют себе капризничать, находясь на чужой территории.

Карина, осторожно двигаясь, будто навстречу злобной собаке без ошейника, подошла к своему многострадальному телефону. Ура! Он был жив. Очередная царапина на экране значения не имела. Карина снова набрала номер Жанны, чтобы услышать слова утешения своей самой спокойной по характеру подруги. Жанна тем временем продолжала строчить слова и предложения в своем личном дневнике. Вода в ванной остыла, Жанна отложила ручку и потянулась к крану с горячей водой. Снова запиликал телефон. «Может всё же ответить?», – подумала Жанна и решительно встала из воды. На этот раз телефон звонил долго. Жанна успела наскоро вытереться и одеть любимый банный халат. Он был таким необъятным, что напоминал спальный мешок. Если его одеть, то не нужна подушка и одеяло. И без них можно спокойно себе спать, укутавшись в халат, и, используя капюшон в качестве подушки.

– Алло? Я так и знала, что это ты! Прямо чувствовала. Ну, рассказывай! – с наигранным воодушевлением проговорила Жанна.

– Ты извини, если я поздно. Но меня распирает! Если не поделюсь, взорвусь, а у меня дочь растёт, ты же знаешь, мне нельзя быть такой заведенной!

– Ну, если распирает, то конечно, говори, – расхохоталась Жанна.

– Вот! Ты смеёшься, и мне уже легче, правда-правда! – сообщила Карина.

– Ну, может, тогда завтра расскажешь, если уже легче? – предложила Жанна.

– Нет! Я сейчас, я быстро, вот послушай! Ты там у себя в финансах вращаешься, большой человек, тебя никто обслугой не назовет, а я... – Карина шмыгнула носом, – в общем, опять пошла я в квартиру клиентки, хотела, как лучше, чтобы удобнее ей было...

– А получилось... – Жанна сделала многозначительную паузу.

– А получилось, как всегда! Капризничала эта девушка – жуть, это не так, это не эдак, а здесь, брови мне испортили! Но самое обидное, понимаешь, что у себя я дома – косметолог и уважаемый специалист, а у них дома – я прислуга и должна служить. Неприятно мне, очень...

– Ну-ну, я понимаю, ты устала, а тут ещё эта клиентка нехорошая. Всё будет хорошо. Косметология – это твоё. А то, что обслуга, так что же? Пусть будет обслуга...

Карина успокоилась, когда произнесла раз 100 слово «прислуга», попрощалась с Жанной и пошла укладывать дочь. Жанна тоже положила телефон, предварительно отключив звук и вибрацию. На ее спокойном лице застыла вежливая улыбка, только чуть покрасневшие веки выдавали

то, что она слегка выбита из колеи. Жанна подошла к мольберту, установленному в ее единственной комнате у окна. Незаконченная картина требовательно ожила в надежде, что ею займутся. Изображенная женщина в монашеском одеянии шла по тропинке от церкви. Вдоль тропинки протекала узенькая речка. Три золотые рыбки, хаотично расположенные в воде, олицетворяли присутствие Творца. Женщина на картине была миловидная, стройная. Приглядевшись к ее руке, можно заметить между пальцами сигарету. Жанне нравилось изображать персонажей, имеющих некую двойственность. Однажды она нарисовала особу в старинном платье, с корсетом, пышной необъятной юбкой, декольтированной грудью, но с короткой современной прической «под мальчика».

Подобные картины помогали ей почувствовать себя гармоничной личностью, которой не требуется ничего и ни от кого скрывать. Не так уж много человек Жанна вынужденно обманывала. Всего-то двух: самых родных и любимых. Свету и Карину. Эти девочки с университетской поры стали ее семьёй. И именно их мнение имело для нее хоть какое-то значение, остальные не в счет. Если Жанна встречалась с молодым человеком, то ему совершенно не обязательно знать определенные вещи. Жанна не лгала мужчинам, а просто не рассказывала. И потом недавно Жанна пришла к такому выводу, что-либо всегда встречается с молодыми людьми одного типа либо, вообще, встречается с одним и тем же «ти-

пом», просто у него разные лица, разные номера телефонов и разные жизненные обстоятельства. Но, в общем, и в целом, заканчивается один любовный роман и начинается другой, почти не отличимый от предыдущего, только имена на фото сзади другие подписать и даты изменить.

– Ты еще свою судьбу не нашла, – небрежно заметила Карина.

– А ты нашла! – Светлана улыбкой смягчила язвительность в тоне.

– А вот и нашла! Ольга – моя судьба, а молодые люди? Так... Преходящее...

– Вот и я о том же! – энергично кивнула головой Жанна, – мы и людей постоянно встречаем одних и тех же, только имена у них другие. И так всегда, до тех пор, пока сами не изменимся и не перескачем на другой уровень...

– Ну, опять эта ваша философия... – протянула Света.

Примерно раз в две недели Жанна сидела напротив Олега Олеговича в так полюбившемся ей кабинете, уютном, заставленном бесчисленными томами никогда не виданных ею книг. Медицина, психология, психиатрия. Жанна усаживалась напротив хозяина книг, облокачивалась на спинку стула, чтобы чувствовать себя увереннее, но куда там! Хотя он и не смотрел на нее практически, а только ковырялся в ящике стола, пытаясь вынуть оттуда конверт с деньгами. Жанна была для Олега Олеговича досадным недоразумением, вынужденной помехой. Хирург предпочел бы, чтобы порядок

в его доме, а особенно, в его кабинете поддерживался и создавался бы сам, на худой конец – его супругой. Но она вечно занята, витает в облаках или в своих лекциях, а уж, если возьмется за швабру, то придаст квартире отвратительный вид. Олег Олегович классический невротик, хорошо чувствовать он себя может, только когда вокруг чисто, всё разложено по полочкам, стоит в ряд, не выбивается вычурностью и не заостряет внимания. Когда они с Людмилой только поженились, их квартира напоминала поле любовных и хозяйственных битв. Сумасшедшая свобода, любовь к нему этой талантливой женщины, заставляли долгое время не замечать бытовую неряшливость и неустроенность. Супруга была ненамного старше Олега Олеговича, но уже провела десятки успешных операций, и ему, со временем, стало казаться, что она посматривает на него свысока. Но это было неправдой. Олег сам загнал себя в угол болезненным самолюбием и желанием взять верх над ней, над женой, которая так любила его, что хотела видеть мужа и днём, и ночью, и дома, и на работе. Олег Олегович стал ей ассистировать на операциях, и в течение каждой из них он раз за разом проходил все стадии ограниченных чувств к своей супруге: любовь, восхищение, гордость, а потом вдруг чувство унижения, собственности, желания доминировать, подчинять. Обнимая супругу ночью сначала нежно, а с годами всё грубее, он не мог ей рассказать, что его гложет, хотя Люда и догадывалась.

Люся, Люда, Людмила, такой она и была «людям мила». И к Олегу была милой. Подойдет к нему после долгого дня, когда они уже сняли халаты с бурыми пятнами и окровавленные перчатки, прижмется к его спине сзади всем телом, животом и убаюкивает его, обнимая своими белыми тонкими руками. Олег Олегович продолжает хмуриться по инерции, но уже расслабляется, и не нужен ему стакан водки, чтобы забыть неудачный ход операции. У него есть Люся, она успокоит, это она виновата, она не успела и вовремя не сообразила. Слава богу, смерти на операционном столе они не видели. Оба. Пока.

– Возьмите деньги. У меня сейчас нет времени совершенно проверять качество ваших услуг. Через две недели жена с вами свяжется, – выдавив эти слова, Олег Олегович умолк.

Жанне пришлось привстать со своего стула, чтобы забрать конверт с деньгами, так как хозяин кабинета даже не удосужился пододвинуть конверт по столу поближе к Жанне. Пауза затянулась, Жанна поняла, что аудиенция закончена, и ей безмолвно указали на дверь.

– До свидания, – прошептала Жанна.

Ответа не было. Олег Олегович глубоко погрузился в свои мысли. В прихожей стояла Людмила. Заметив вышедшую из кабинета мужа девушку, она вздрогнула.

– Простите, я думала, что это муж, – тень улыбки мелькнула на ее бледном лице.

– Это всего лишь я... – заметила Жанна, чуть не сказав

«не бойтесь». Чего бы жене бояться своего мужа?

– Не знаю, чего ради он Вас приглашает, уж извините, я и сама неплохо справляюсь... Конечно, Вы профессионал, не то, что я. Мужу, наверное, виднее. Все равно, спасибо вам, Жанна, – Людмила протянула руку девушке и потрясла ее в слабом рукопожатии.

Жанна вышла из квартиры и энергично растерла ладонь, которая будто заныла от прикосновения холодной руки Людмилы.

Когда Жанна уже шла по улице, ощущая на лице робкие весенние лучики солнца, все тело пронзила мгновенная дрожь. Это ее мобильный завибрировал от чьего-то звонка. Кому она понадобилась? Жанна вытащила из внутреннего карманчика своей шубки аппарат и приложила к уху его теплый после меха корпус:

– Да?

– Жанночка, привет, ты очень занята? – голос Карины звучал непривычно жалобно.

– На твоё счастье, нет. Что-то случилось?

– Оля разболелась, а у меня даже температуру сбить нечем. Врач была, написала кучу всего, а идти покупать, это, значит, Олю с собой в аптеку тащить...

– Конечно, я привезу сейчас всё, что надо. Ты пришли мне сообщение, какие лекарства нужны. Хорошо?

– А как твоя работа? Не сильно пострадает?

Господи! Да, вообще, никак не пострадает! Жанна усмех-

нула и велела в трубку:

– Жди! Я скоро.

Карина взяла горячую дочку на руки и стала рассеянно прохаживаться по неубранной квартире, покачивая Олю и мыча какую-то мелодию. Только бы температуру сбить, и сразу спокойнее станет на душе. К черту, эти разговоры об иммунитете! Когда твой малыш лежит, как тряпочка с блестящими пуговицами глаз, жаропонижающее – это жизненный эликсир. Подруга приехала мгновенно, как будто весь день только и сидела напротив их дома, ожидая звонка Карины и просьбы о помощи. Вместе с ней в квартиру ворвался солнечный день и запах весны. Особенно обидно болеть, когда устанавливается теплая погода, и люди убирают теплые вещи подальше. Жанна принялась разбирать свою сумку, наполненную шуршащими пакетами.

– Проверь лекарства, а я пойду больной подниму настроение, – она достала мягкого зайца с умильно лукавой мордочкой и на цыпочках подошла к Оле.

Девочка тут же потянулась к игрушке, потом прижала ее к себе и накрыла концом своего одеяла. Карина покачала головой, оглядев пол, заваленный старыми игрушками. Минутная радость Ольги от нового зайца обернется пополнением в хаосе ненужного избыточного хлама. Хотя ради такой минуты можно и потерпеть. Тем более пока Карина заставляла поднос всем необходимым, чтобы внести разом в комнату, Жанна каким-то немислимым способом сумела при-

вести детскую в порядок. Игрушки расставила по полкам, одежду сложила в шкаф, а грязное белье успела запихнуть в стиральную машинку.

– Жанна, ты метеор! – восхитилась Карина.

– Да... И пока я метеор, иди в ванную, прими душ и поешь. Я дам Ольге сироп от жара. Иди, иди!

Карина поплелась мыться, на ходу пытаюсь распутать пальцами свои густые волосы. А ведь и правда! После увиденных 39 градусов на термометре она не то, что не умывалась, даже глотка воды не сделала. Не первый раз дочь болеет, а всё равно из колеи выбивает. Вчера вечером все нормально вроде было. Ну, может, капризничала больше обычного... Утром еще вставать не хотела, но она никогда вставать по утрам не хочет. Карина разозлилась, прикрикнула, а потом до лба дотронулась, а он, аж, горит! Да... Ближайшую неделю придется просидеть дома и всех клиенток отменить... Карина встала под упругие струи воды, закрыла глаза. Приятное тепло охватило всё тело, потекло по венам, мышцы расслабились. Ну, и хорошо, поболеем всласть, будем с Ольгой объедаться и смотреть мультфильмы, валяясь в постели! Карина улыбнулась и выдавила на ладонь душистое масло для душа.

Через полчаса Жанна засобиралась, пообещав заскочить с продуктами ближе к ночи. В прихожей Карина подала сумку подруге:

– Опять с собой кирпичи носишь или там у тебя отруб-

ленная голова конкурентов?

– Ну, и фантазии у тебя! Это из нового фильма ужасов?

– Нет, это я Ольге сказку про маленького Мука читала. Там похлеще фильма ужасов будет!

– Ребенка напугала, она и заболела у тебя! – хихикнула Жанна.

Карина беззлобно хлопнула подругу по плечу:

– Спасибо за помощь. Если вечером не получится заехать, не переживай. У нас есть, чего пожевать.

– Ну, сама смотри, а то я могу голову вам оставить, суп сварить...

– Какую голову? Тьфу, ты, Жанна, иди на работу!

Вопреки пожеланиям подруги, Жанна ни на какую работу, конечно, не пошла. Ближайший ее выход через два дня, а пока она имеет право на отдых. Выходные среди рабочей недели, выходные, когда можно спать до обеда и ничего не делать, словно безработная где-то за рубежом на хорошем пособии от государства. Но в отличие от таких «везунчиков» Жанна имеет моральное право наслаждаться, она сама о себе позаботилась, а не государство. После недолгих приятных размышлений Жанна пошла в кино. Одна. На вечерний сеанс. Влилась в огромном торгово-развлекательном центре в толпу скучающих, позволила лавине чужих интересов увлечь себя, глядела на манекены в модных одеждах, рассматривала дорогую обувь, выбирала изысканный парфюм. Ни на что не хотелось тратить, всё было из-

быточным, не нужным. Третья пара обуви на сезон? Зачем? Пятая куртка, отличающаяся от имеющихся немногим, может быть, количеством молний и карманов? Хотя... Скажем, бельё... Оно не мешает, оно, действительно, имеет особенность снашиваться и фиксировать на себе меты времени. Тут бретелька истончилась, тут ткань выцвела от стирки или растянулась. Когда ничего не нужно, покупка нижнего белья – это неплохой вариант. Жанна приготовилась к вызывающим оторопь ценам и вошла в сверкающий стеклянный отсек, заполненный рядами вешалок. Дежурные фразы про «вам помочь» витали в воздухе, но, слава богу, вслух не были произнесены. Симпатичные рослые девушки за стойкой вежливо улыбались и занимались своими делами, что-то развешивали, упаковывали, и, в целом, не напрягали своим присутствием. Жанна бегло осматривала содержимое пластиковых вешалок, ожидая мгновения, когда взгляд сам зацепится за что-то. Это оказался пеньюар, телесного цвета, с правильным количеством кружева и роскоши.

Фильм был средненьким, одноразовым, не требующим пересмотра. Не за качеством кино ходила Жанна в большие залы, а за волшебством, за чем-то таким неуловимым, неосязаемым, за чудом. Может, виной всему огромный экран и чувство сопричастности к толпе, которая дышит в унисон на самых трагических кадрах и смеётся там, где велел режиссер? С первыми оглушающими звуками, когда в кинотеатре гаснет свет, в душе зарождаются и не хотят ни-

куда уходить мысли о том, что всё возможно, всё бывает, всё впереди. Жанна вжимается в кресло и теряет себя, радостно выпускает во внутрь другие чужие жизни и события. После последних титров волшебство отпускает не сразу, еще долго хочется пританцовывать или рыдать, смотря, о чем был фильм. Этот фильм был приключенческий, и Жанна, выходя из зала чувствовала в своих руках пистолет, а тело пружинило, будто уворачивалось от преследователей. После сеанса уже не было неловкости от своего одиночества. Люди расходились с тем, чтобы больше никогда не увидится. Это перед киносеансом Жанна всякий раз разыгрывала перед собой равнодушие от того, что пришла в кино одна. Она могла бы позвать с собой Светлану или Карину, но не хотела зависеть от их решения. Ведь оно скорее всего окажется отрицательным. Карина по вечерам обычно с дочкой, а Светлана в последнее время стала слишком взрослой и брезгливой:

– Мне неприятно, что в кресле, где буду я, сидели сотни людей только за один сегодняшний день. А эти жующие и чавкающие соседи не дают сосредоточиться на картине!

Жанна покинула кинозал и зашла в туалетную комнату. Очередь удручала, и хотелось, как в юности демонстративно зайти в мужской туалет, где никогда не бывает столпотворения. Но Жанна, видимо, тоже стала слишком взрослой и терпеливо ожидала, когда другие женщины в тесной кабинке справятся с несколькими слоями своей одежды. Это мужчина легким движением руки может подготовиться к от-

правлению естественных нужд, причем в любом, практически, месте, если сильно пожелает...

Через несколько минут, Жанна снова оказалась в самой гуще покупателей торгового центра. Обильное электрическое освещение стало тяготить, глаза устали. Люди, жадно или равнодушно разглядывающие витрины, вызывали раздражение. Жанна вышла на улицу и вызвала такси. Водитель был молчалив и сосредоточен, очень серьёзно отсчитал сдачу и также серьёзно попрощался. Новичок в сфере обслуживания... Первым делом, оказавшись у себя дома, Жанна разулась и с изящной упаковочной коробкой подошла к большому зеркалу примерять обновку. Не терпелось почувствовать на коже тончайший шелк и рассмотреть себя со всех сторон в такой соблазнительной истинно женской одежде. Фигурой своей Жанна была вполне довольна. Стройное, подтянутое, гибкое тело, привыкшее к физическим нагрузкам, разительно отличалось от той фигуры, что у нее была, когда она была вынуждена проводить долгие часы за компьютером. Тогда она была моложе, но периодически ощущала боль в спине, или голова трещала:

– Как бабка старая! Ведь и тридцати лет нет, что дальше то будет, Свет? – жаловалась она подруге.

– Да я сама такой же инвалид, как и ты! Одно нам спасение – спорт..., – уныло отвечала Светлана.

– Ты в своем уме? Посмотри на нас, мы бледные, хилые, после работы до подушки бы добраться... Я на тренажерный

зал несогласная, тем более там скучно! Ну, правда! Одни и те же движения, подходы, повторы! Не моё! И про танцы я тоже слышать не хочу. Я деревянная и скромница, ты же знаешь... Вот тебе на танец живота очень рекомендую, – с воодушевлением предложила Жанна.

– Мне компания нужна, я одна не хочу, – Светлана пожевала губами и сморщила высокий чистый лоб, – а, может, бегать будем? Свежий воздух. Не после работы, а на выходных! Вокруг твоего озера! Жанна, это идея! Правда?

– Мысль неплохая... И даже очень. Бежать гораздо интереснее, чем железо тягать.

Дом Жанны был построен рядом с живописным небольшим озером, скорее даже прудом. Водоем был естественно-го происхождения. Говорят, в нем до сих пор водится рыба. Озеро и его обитатели терпят незаметную, но от этого не менее трагичную экологическую катастрофу. Озеро со всех сторон окружали, будто немцы партизан или наоборот новостройки с шумными жильцами. Водоем уходил в землю всё глубже и глубже, с каждым построенным домом и с каждым въехавшим в новую квартиру жильцом. Парковые уголья, прилегавшие к озерцу, тоже сокращались на глазах, превращались в асфальтированные проспекты и улицы. Раньше вода была высоко, доходила до скамеек и до самого дома, где жила Жанна. Иногда, на секунду замерев при выходе из своего подъезда, Жанна воображала, что по ее улице снова течет вода, а люди передвигаются на лодках, будто в Венеции.

С тех пор, когда они со Светланой решили бегать вокруг озера и даже проделали это целых два раза, прошло тысячу лет, но подружки до сих пор вспоминали об этом. Чаше со смехом, конечно... На третий раз Светлана подсознательно забыла взять кроссовки... Не бежать же кросс на шпильках? Так и остались они обе с бледной кожей и слабыми мышцами. До поры до времени. Потом Света, и правда, записалась на восточные танцы и с восторгом отдавалась власти экзотической музыки. Она умела наслаждаться своим видом в зеркалах на занятиях, а не хмуро подсчитывать складки на оголенном животе. Что касается Жанны, то теперь и она могла похвастаться своей фигурой, хотя и не посещала тренажерный зал или танцевальные студии. Сама ее работа привела тело в порядок без особых усилий.

Теперь перед сном Жанна бывало испытывала приятную мышечную боль и со вкусом тянулась и охала, расправляя позвоночник. Новенький пеньюар телесного цвета подчеркнул соблазнительные изгибы и спортивную стройность Жанны. Она улыбалась себе в зеркало, всё было чудесно: работа, деньги, подружки, развлечения, весна. Она выбрала правильную дорогу. И даже сны ей снятся прекрасные. Чистая голубая вода, плавные волны, яркий солнечный день. Жанна задремала на диване, не успев его разобрать и расстелить постель.

Перед глазами пронеслись толпы людей из развлекательного центра, потом проскользнули невнятные кадры из про-

смотренного фильма в кинотеатре, снова морская гладь и вдруг та квартира, от которой разум давно велит отказаться, но что-то держит, точнее кто-то. Снова этот кабинет, стол с зеленой лампой, книги, книги, и Олег Олегович напротив нее сидит и впервые смотрит на Жанну, не мимо нее, как обычно, не сквозь, не мимоходом. Жанна понимала, что это сон, что ничего страшного не происходит, но всё-таки не могла себя успокоить и заставляла свое тело проснуться. Получилось! Она очнулась. Жанна встала с дивана и принялась снимать с себя пеньюар. Надо отрезать магазинную бирку и постирать его прежде, чем носить. Что такое? Жанна хотела взяться за пояс, но не получается, руки не слушаются, она, вообще, ничего не чувствует, ни себя, ни предметы вокруг. Да она же спит ещё! Сон во сне! Она не просыпалась! Она не может прекратить видеть сон. Что же делать? Как это? Уколите меня иголкой, чтобы я почувствовала, что не сплю. Но у нее нет иголки! Жанна схватила себя за волосы и стала тянуть. Наконец от боли и своего стога проснулась!

Ужас! В испарине, будто после бани, шея вспотела, и мелкая дрожь во всем теле, словно колокольчики внутри мелко звенят. Фу! Позвонить бы кому-то. На часах четыре утра. Это страшное время. Жанна читала, что в такой час человеческий организм наименее способен к сопротивлению, а разум становится легко внушаемым. Можно внушить человеку открыть окошко в четыре утра и спланировать на асфальт внизу. Чепуха, наверное...

Звонить, конечно, Жанна никому не будет. Это не в ее правилах причинять неудобства. Надо просто отвлечься от тягостного сна. Попить чаю с медом, принять душ, а потом снова прилечь на душистые простыни, она все равно не выспалась, как следует. На улице еще темно, но уже светлее, чем было зимой. Ни души, машины стоят рядами, фонари освещают детскую площадку. Наверное, скоро выйдут дворники и приедут мусоровозы. Для кого-то уже наступил рабочий день. Даже Светлана через пару часов услышит звон своего будильника. Хорошо, что Жанна не стала ее будить. Сон уже забывался и улетучивался из головы, оставляя тоскливый мотив в сознании.

2

Одни и те же прохожие шли навстречу обеим девушкам. Сначала их видела Жанна и машинально подмечала, вот симпатичная девушка идёт быстро, спешит по своим важным делам. Вот обнимающаяся парочка: он еле дотягивает до ее головы, а она горделиво шествует на высоченных каблуках. А вот мужчина идёт, с соболиными бровями и румяными щеками. Как похож на их бывшего преподавателя английского в институте! Жанна даже хотела поздороваться, но в последнюю секунду поняла, что это просто очень похожий на него человек. Мужчина спокойно прошел мимо Жанны и уже через несколько метров мимо Светланы. Она тоже внимательно посмотрела на него, но мгновенно сообразила, что это не преподаватель из института. Тот мужчина был ещё в их студенческие годы предпенсионного возраста, а сейчас вероятно уже давно старик, брови стали тоньше, а румянец на щеках исчез. Что-то неуловимо знакомое показалось Светлане в походке впереди идущей девушки. Ну, конечно, как она сразу Жанну не заметила? Шагов тридцать разделяло подруг. Жанна шла неторопливо с огромной сумкой на плече, в своей милой уютной шубке. Светлана уже хотела окликнуть ее, но подруга внезапно свернула к подъезду длинного вытянутого горизонтально дома, мимо которого они проходили, поднесла к домофону магнитный ключ,

и дернула дверь на себя. Светлана на секунду растерялась и упустила время. Жанна скрылась в подъезде, а дверь захлопнулась.

Светлана оглядела незнакомый дом. Что здесь понадобится Жанне? Может, позвонить ей, спросить?

Жанна вошла в чистый, просторный холл, прошла мимо лифта и пешком поднялась на нужный этаж. Жильцы лестницей практически не пользовались, и шансы на то, что ее заметят, были мизерными. Так выполнялось условие анонимности, соблюдение которого требовала клиентка. На этом этаже располагалось всего две квартиры, каждая из которых была двухуровневой. Во второй квартире никто не проживал, она предназначалась для сдачи внаем. Но поскольку стоимость аренды запрашивали приличную, никто особенно не зарился на нее. Это также было на руку Жанне и ее клиентке. Когда Жанна очутилась внутри квартиры, телефон ее запиликал.

– Привет.

– Привет, Жанна, я подумала, может встретимся? – Светлана зашла в новомодное кафе через дорогу от дома, где скрылась подруга.

В конце концов, однажды такое должно было случиться. Внезапная встреча, невольный намек, странное упоминание. Почему во время этого телефонного разговора Света чувствовала, как томительно медленно бьётся ее сердце, как в ожидании, в ожидании чего? Как слюна накапливает-

ся во рту от того, что Светлана не может даже сделать глотательное движение, чтобы не пропустить. Пропустить что?

– Светочка, извини, но сейчас никак не смогу. Я в центре города, у меня важная деловая встреча. А вот он уже подходит, отключаюсь, прости...

Вокруг Светы замелькали по кругу зеркала кафе, отражения в них, столы из черного стекла, растрёпанная женщина за столиком напротив, дающая подзатыльник подростку. Светлана потеряла уши. Ещё не хватало свалиться в обморок! День какой-то сумбурный выдался. Неудача на работе, враньё близкой подруги. Уж кто-кто, но Жанна никогда не была замечена не то, что во лжи, но и в невинных сплетнях. Она – прямая, прозрачная, открытая, откровенная. Во всяком, случае была такой...

Бесшумно появившийся официант прервал ее мысли. Светлана заказала чашку кофе. В ожидании заказа она смотрела в большое окно на тот злополучный дом. Вдруг выйдет Жанна, и тогда они весело посмеются над тем, что произошло. А что, собственно, ужасного случилось? Может, у Жанны здесь любовник проживает, женатый, вот она и скрытничает... Слегка успокоив себя этими мыслями, Света с удовольствием опустошила чашку великолепно сваренного кофе, попросила счёт и покинула заведение.

Жанна поставила телефон на беззвучный режим и положила его на полочку для ключей рядом со входной дверью. В прихожей будто ураган пронёсся, сваленные в кучу куртки,

шапки, шарфы для людей разных возрастов, разного пола, ботинки, женские изящные ботильоны, башмачки, всё вперемежку. Как будто для того, чтобы запутать Жанну, отпугнуть ее, раздосадовать. Однако эффект наблюдался обратный. Если бы кто-то увидел сейчас Жанну, например, та же ее подруга Света, то подумал бы, что девушка занимается своим самым любимым делом: ездит верхом, сидит за рулём роскошного авто, танцует со своим поклонником... Мало ли на свете интересных занятий? А Жанна вытащила из своей необъятной сумки пульверизатор с чистящим средством и с азартом принялась опрыскивать то, что собиралась потом хорошенечко почистить. Щеки розовые, мягкая улыбка, волосы скручены в тугий узел, Жанна вся светится и напевает себе негромко. В иных квартирах она могла включать музыку и пританцовывать, но не здесь. Муж клиентки не должен даже заподозрить присутствие в своей квартире Жанны. Интригующее условие анонимности возникло с его лёгкой руки. Во-первых, хозяин квартиры большой, очень важный чиновник. Он не терпит в своей квартире посторонних. Во-вторых, он, все детство видевший свою мать, занятую домашним хозяйством, всерьёз полагал, что его жена должна и может делать всё самостоятельно. К сожалению своей супруги, он упускал из виду тот факт, что был единственным ребенком в семье, а квартира по площади равнялась одному из его нынешних четырех балконов.

Жанна действовала профессионально: уборку начинала

с самого дальнего и высокого уголка, чтобы постепенно продвигаться на более низкий уровень к выходу из помещения. Внутри полки и шкафов Жанна не заглядывала, хотя руки чесались навести порядок и там. Краем глаза она видела, что в шкафах царит хаос, но, раз клиентка против, то это не обсуждается. Если посчитать, то примерно половина ее заказчиков придерживалась мнения, что постороннего взгляда на их личные вещи быть не должно. Другая половина, в основном, это были клиенты мужского пола, полностью доверяли Жанне и даже просили разобраться в некоторых местах. Так, однажды Жанне пришлось раскладывать бумаги одного довольно талантливого математика. Рассеянный учёный очень долго писал диссертацию по причине того, что не мог сообразить, как держать в порядке свои работы. Жанна придумала для него удобную картотеку, от которой математик был в восторге и даже слёзно просил ее стать своим ассистентом. Но Жанна хотела независимости и от предложения ученого отказалась...

Каждая квартира имеет свой запах. У математика в комнатах пахло жженной на солнце пылью, а в кухне – пригорелой и затхлой пищей. Пару раз она мыла кастрюли с приставшей к дну диковинной розовой массой. Наверное, мужчина пытался сварить кисель из покупного брикета, но не вышло.

В двухуровневой квартире нынешней заказчицы пахло суетой и дорогим парфюмом ее высокопоставленного мужа. Поначалу ее клиентка перед приходом Жанны прятала свои

фотографии и фотографии детей, боялась сглаза или зависти. Заказчица до своего замужества была работающей девушкой, из крепкой простой семьи. Привычка все делать самой по хозяйству в ее, как считалось, довольно успешном браке, обернулась для нее вечной усталостью и раздражительностью, которую она не имела права показывать мужу. Он, действительно, в жены брал себе порядочную и не капризную особу. До поры до времени особа такой и оставалась.

Когда муж приобрел огромную жилую площадь в центре города, моральные силы и физические возможности клиентки истощились. Она нашла Жанну. С течением времени перестала прятать фотографии и испытывать неловкость от пользования сторонними услугами по уборке квартиры.

Жанна всегда оказывалась на высоте, не в свое дело не лезла, приятно и мило улыбалась при встрече, а после себя оставляла благоухающие чистые полы, окна, люстры, сантехнику, кухню, всё! А муж, муж... Не то, чтобы он удивлялся, и как это его жена все успевает, он просто, банально, абсолютно об этом не думал!

В этот раз семья клиентки покидала квартиру надолго и, судя по всему, в большой спешке. Жанна села в прихожей на предварительно протёртый пол, поставила рядом с собой таз с водой, положила щёточки, тряпочки, обувные дезодоранты и принялась приводить в порядок раскиданные пары туфель, ботинок и кроссовок. Вычищенную несезонную обувь Жанна раскладывала в коробки и помещала в кла-

довку на первом этаже квартиры, под лестницей. Остальную обувь Жанна расставила в безупречном порядке в прихожей.

Время шло быстро, как всегда, когда Жанна выполняла свою работу. Голова была пуста, мысли – лёгкие, спокойные. За окном начало темнеть. Жанна никогда не оставалась на ночь в квартире клиентов. Надо было заканчивать и собираться домой, с тем, чтобы завтра вернуться и продолжить работу.

Она спускалась пешком на первый этаж в самом радужном настроении. Каждая квартира имеет не только свой запах, но ауру, микроклимат. После уборки в квартире математика Жанна возвращалась домой с тяжёлой, будто разбухшей от формул головой. Расставаясь с жильем врача и его жены, девушка находилась обычно в подавленном, угнетенном состоянии. Окружающее настоящее и гипотетическое будущее почему-то рисовалось в самом мрачном свете. Она словно дышала в квартире Олега Олеговича воздухом уныния и безнадёжности, что уж совсем удивляло. Ведь в этих апартаментах предположительно проживает успешная молодая пара. Он – талантливый врач, она – читает лекции в мединституте, занимается научной деятельностью. Оба здоровы, симпатичны и с виду доброжелательны.

Впрочем, сейчас Жанна оставила эти размышления и наслаждалась лёгкостью и оптимизмом, которые словно впитались в кожу и лёгкие во время нынешней уборки. Детские рисунки, прилепленные на дверцу холодильника, с тради-

ционными изображениями семьи в полном составе. Мама с папой держатся за руки, на которых в лучшем случае нарисовано по три пальца. Вокруг родителей в самых неожиданных местах изображены четыре их отпрыска: малышня чуть не под ногами, подростки почему-то выше родителей по обе стороны от них. Может, психолог по этим рисункам сделал бы какой-то иной свой профессиональный вывод, но у Жанны детское творчество вызывало смех и умиление. Гигантская радуга, полосатая кошка, велосипед с тремя колесами, кривой дом с одним огромным окном во всю стену.

Жанна очутилась на улице. Было темно, сыро и прохладно. Она вызвала такси по мобильному телефону и в ожидании машины перешла дорогу, чтобы зайти в кафе. К вечеру тут стало людно. Свободный столик был только один, и Жанна поспешила к нему. Она достала блокнот и стала изучать таблицу своего рабочего графика. Почти каждая клеточка, обозначающая календарный день, была занята. Жанна отказывалась от заказов на выходных и периодически в пятницу, чтобы встречаться с подругами. Что ж, на ближайшие два месяца ее график известен.

Подошёл официант принять заказ и одновременно доставили сообщение о том, что такси уже прибыло. Жанна извинилась за отсутствие заказа и выскочила из теплого помещения. В такси было неуютно, ото всюду дуло и пахло въевшимся в салон сигаретным дымом. Вечерние пробки к этому времени почти рассосались.

Жанна специально покидала свое рабочее место или раньше, или позже того времени, когда офисные сотрудники заканчивают свои трудовые будни. Ее график позволял ей многое. С утра она могла спать до 10—11 дня, вечером ложиться поздно после просмотра любимого фильма или чтения интересной книги. С ужасом Жанна вспоминала студенческие годы, когда было необходимо рано вставать. Сейчас будильник перестал быть ее врагом.

Рано утром и в выходные дни уборка не нужна ни заказчикам, ни Жанне. Иногда ей хотелось с кем-то пооткровенничать, обсудить свою работу. Только ей не встречались такие же, как она. В основном, клинингом занимались усталые приезжие женщины, не то, чтобы без огонька в глазах, а как бы не без печальных складок вокруг рта от вынужденной работы и разлуки с семьей.

Через год после окончания института, когда карьера в офисе окончательно перестала радовать Жанну, она обратилась в агентство по трудоустройству с тем, чтобы посоветоваться с профессионалами. Может, следует пройти какие-то тесты по профориентации?

Молодой человек из агентства искренне хотел помочь Жанне сменить профессию. Долгое время Жанна посещала собеседования по найденным молодым человеком вариантам. Безуспешно. Ничто не привлекало, ни от чего не загорался глаз.

Однажды Жанна сидела в холле агентства, ожидая вре-

мени своего посещения. Она была в строгом костюме, расположилась за круглым журнальным столиком, занятым наполовину глянцевыми изданиями. Напротив нее, вдоль стены сидели на стульях две женщины. Просто одетые, совершенно не примечательной наружности, обычные. Они весело о чем-то переговаривались, и было видно по их крепким рукам без маникюра, что заняты они физическим трудом. Они вели себя расслабленно, на них не давила деловитая атмосфера агентства. Равнодушным взглядом провожали они бойко цокающих на каблуках девушек с кипами бумаг, спешащих непрерывно по коридорам. А Жанна сидела с прямой спиной, в тонких колготках, закинув ногу на ногу, уже давно затекшую. На лице тональный крем, кожа не дышит. Жанна почувствовала, что задыхается. Она снова посмотрела на женщин и прислушалась к их разговору.

– Боюсь работать без договора. Могут не заплатить. Люди разные бывают, – женщина помоложе неожиданно уставилась на Жанну.

– Мне тоже удобнее через агентство, официально. Так и клиентура себя вежливее держит со мной. Может, денег меньше получу, но зато наверняка!

Повара, нянечки, уборщицы? Кто эти женщины? Вынуждены ли они подчиняться субординации, взбираться и скапывать по десять раз на дню на нелепые ступени иерархии? Есть ли у них обязательный дресс-код? Да-нет... Этого точно у них нет, а вот она, Жанна, уже давно забыла, что значит

быть в кроссовках в рабочий полдень в центре города.

Одну из женщин увлекла за собой строгая молоденькая девушка, наряженная в узкую юбку-карандаш. Девушка спешила, совершая мелкие рывки ногами, насколько ей позволяла юбка, но женщина все равно чуть не наступала ей на пятки. Женщина шла плавно, уверенно, делая широкие шаги, и, кажется, совсем не смущалась своей удобной одежды в этом царстве причудливых моделей и форм, призванных создать людей-роботов.

В коридоре осталась сидеть Жанна и вторая женщина. У женщины зазвонил телефон, и она принялась, не слишком снижая громкость, отчитывать за что-то, вероятно, своего ребенка. Жанна позавидовала такой беспечности, она-то всегда ставила телефон на виброрежим, чтобы не прерывать деловую атмосферу подобных заведений. Жанна аккуратно, чтобы не порвать колготки, выбралась из-за низкого журнального столика и нерешительно подошла к женщине. Та закончила разговор и посмотрела на Жанну.

– Простите, ради бога, я только хотела спросить у вас, на какую вакансию вы претендуете? – Жанна присела рядом с женщиной.

Нельзя сказать, что после ответа на этот вопрос, Жанна мигом решила перевернуть свою жизнь. Она снова устроилась по своей специальности, снова возвращалась домой после работы словно из неё выпустили весь воздух. Опять ей приходилось подчиняться и подчинять, натужно улыбаться,

когда нет желания, вставать засветло, чтобы нанести макияж и подготовить деловые бумаги. Однако все это время в ее мыслях, далеко, где-то на задворках, присутствовали те две женщины из агентства.

В минуты усталости или ночью во сне она вспоминала, что существуют вполне себе спокойные занятия, приносящие неплохой доход. Убирать квартиру, не свою, переставлять и притрагиваться к чужим вещам? Не иметь над собой десять тысяч начальников и десять тысяч обязательств? А что ей, Жанне, мешает поступить так же, как эти женщины? Образование и сомнительные карьерные амбиции?

Жанна уволилась и снова очутилась в бюро по трудоустройству. Первый заказ, второй, третий. Хорошо, что Жанне клиентов поставляло агентство. Сомнения заказчиков улетучивались, несмотря на несоответствующий для помощницы по хозяйству внешний вид и манеру поведения Жанны, которые, впрочем, мало-помалу переменялись.

Молодая, спортивная, интеллигентная, приятная девушка, которая быстро и качественно уберет квартиру, потребует за свой труд адекватную плату и исчезнет из вашей жизни до тех пор, пока вам снова не потребуются ее услуги. Но! Девушка может иметь свои планы, свой график и свои пожелания. Если они не совпадают с вашими, то договор расторгается. Вот что нравится Жанне в ее работе! Независимость! А не нравится то, что не с кем поговорить о своей работе и своем образе жизни.

Вначале не было необходимости и желания ставить подруг в известность о том, что Жанна кардинально сменила сферу деятельности, а потом стало уже поздно. Безобидные клочки вранья давно превратились в огромный белоснежный ком. В конце концов, кому от этого плохо? Светлане, слишком затянутой в свою офисную стихию? Или молодой матери Карине, постоянно мечущейся от дочери к заказчицам?

Родных у Жанны в городе не было. Мать жила в своем доме за городом, общались они редко и близки никогда не были. Со студенческой поры родными для Жанны стали ее две подруги, а больше при замкнутом характере Жанны и не требовалось.

На следующее утро Жанна снова должна была ехать убирать двухуровневую квартиру, где фотографии смеющихся детей так поднимали ее настроение. Жанна проснулась без будильника. На часах было без двадцати минут девять. Можно было поваляться ещё целых двадцать минут до ритмичного сигнала телефона. Сменив несколько комфортных положений тела, Жанна поняла, что уже не уснёт. Выспалась...

Она расстелила коврик и сделала несколько асан из йоги. Ощущение легкости и гибкости было приятным. Неспешный завтрак завершил ее утро в то время, как офисные сотрудники переживали цейтнот.

Светлана, к примеру, до сих пор трудившаяся без помощницы, одновременно разговаривала по двум телефонам, от раздражения повышая голос. Мимо открытой двери каби-

нета Светланы проходил ее непосредственный руководитель вместе со своим новым заместителем.

– Она всегда такая громкая?

– Не волнуйтесь, ваш кабинет далеко отсюда, – ответил собеседник и закрыл дверь, за которой разговаривала Светлана.

Карина в это время расчесывала свои мягкие черные волосы и глядела на себя в большое профессиональное зеркало, которое увеличивает поры кожи в несколько раз. Клиентка отменила встречу, дочка в саду, и Карина не знала, чем заняться. Кино, книга или всё-таки варить суп, от которого дочка все равно нос воротит? Что бы Карина не готовила, кроме макарон, приходилось уговаривать дочь хотя бы попробовать.

Жанна вышла из своего дома и пошла на автобусную остановку, чтобы доехать до своего нынешнего места работы. Улицы были полупустые, машин немного. Школьники давно на занятиях. Пенсионеры отовариваются в сетевых супермаркетах, в этот час во многих магазинах для них скидки. Вдоль тротуара, по которому шагала Жанна, высились столбы, украшенные разномастными объявлениями о сдаче квартир внаем, о работе, о курсах английского.

Весенний ветерок доносил запах проснувшихся после зимы растений. Деревья оживали, солнце освещало тусклые лица прохожих. Перед Жанной шла молодая женщина, которая почти с каждого столба срывала от объявления по по-

лосочке с напечатанным номером телефона. Жанна, мельком взглянув, заметила, что женщину интересуют объявления об аренде. На автобусной остановке висела целая доска с разноцветными прямоугольниками объявлений. Женщина принялась изучать их. Жанна посмотрела в сторону, откуда должен был подъехать автобус и увидела его приближающийся корпус.

На остановке садилась только она одна. Салон внутри был свободный. Жанна выбрала место у окошка и посмотрела на медленно удаляющуюся остановку. В висках застучало. Женщина, изучающая стенд с объявлениями, обернулась. Жена хирурга. Женщина смотрела на автобус, но, навряд ли замечала его. Даже из салона Жанна видела, что ее глаза застилали слезы.

И чего ей плакать? Что-то не ладится с работой? Или с красавцем-мужем? Какая аренда? Женщина ищет жильё?

Жанна вспомнила последнюю свою уборку у них дома. На кухне все сверкало, будто там никогда никто не готовил, не измельчал на терке варёную свеклу, не рассыпал сахар из ложки, не нарезал крошащийся хлеб. В спальне застеленная огромная кровать, заправленная без единого намека на складочку. В гардеробной висит только одежда хозяйина квартиры. Весь скудный набор одежды хозяйки умещается в спальне в небольшом стенном шкафу с зеркальной дверцей. Интересно, когда они ложатся в кровать, наблюдают ли они за собой со стороны в это зеркало. Наслаждает-

ся ли этот напыщенный самоуверенный мужчина внешне-
стью своей жены?

Они всегда расплачивались с Жанной в кабинете мужа. Он сидел за столом, жена стояла справа от него, положив тонкую почти костлявую руку на полку с книгами. Длинные пальцы женщины чуть подрагивали, касаясь корешков книг.

– Я прошу вас после уборки запирать дверь кабинета. Вот ключ, – мужчина положил его на стол с лёгким стуком. – Ключ вы отдаете только мне лично в руки. – Олег Олегович покосился на жену и добавил, будто нехотя, – моя уважаемая супруга уже несколько раз теряла ключ от кабинета, и я бы не хотел рисковать.

Два розовых пятна появились на лице у его жены, и Жанна интуитивно почувствовала, что супруги в ссоре. Зачем этот ключ вдруг объявился? Зачем понадобилось закрывать кабинет? Он что, хранит здесь что-то запрещённое? От кого? От супруги? Или от своей сестры, неприятной и грузной женщины, с которой Жанна пару раз сталкивалась в дверях. Нина Олеговна вежливо здоровалась и прямо при Жанне проводила пальцем по первой попавшейся поверхности, потом внимательно рассматривала свою руку на предмет возможных следов пыли. Не находя их, Нина Олеговна качала головой и так же вежливо прощалась с Жанной. Весь короткий период проверки сестра Олега стояла напротив Жанны, загораживая ей выход из квартиры. В такие моменты Жанна чувствовала панику и физически боялась этой крупной жен-

щины.

Не верилось, что Нина Олеговна является родной сестрой хозяина квартиры. Те же глаза и нос, и рот, но растянутые по широкому, как блин лицу. Яркие губы и темные густые волосы у брата смотрелись сногшибательно, у сестры – непонятными, инородными, не принадлежащими ей.

Нина Олеговна входила в почетный круг обожателей Олега Олеговича. В этом круге ей хотелось находиться исключительно одной, поэтому жену своего брата она недолюбливала. Ишь, умная, нечего в медицину лезть, в хирургию! Это мужское дело! Олег – практик, а ты – так... теоретик... синий чулок!

Нина Олеговна была несправедлива. Жена Олега тоже оперировала несколько лет назад, в паре со своим мужем. Причем он ей ассистировал, а не она – ему. Это теперь супруга Олега преподает теорию. Муж так захотел. Заботился, наверное...

Слишком сильное напряжение для хрупкой женщины отвечать за жизни людей, долгие часы стоять за операционным столом, а потом ночью крутиться не в силах заснуть, анализируя свои действия.

«Недостойна эта худосочная преподавательница такого любящего мужа! Недостойна такого хозяина квартиры и эта неряшливая уборщица!»: такие мысли читала Жанна на лице Нины Олеговны...

Автобус давно отъехал от остановки, где Жанна заметила

супругу врача, а в голове до сих пор крутились мысли о той супружеской паре.

Жанна увидела длинный дом и пошла к выходу из автобуса. Привычка низко опускать голову при ходьбе пригодилась. Из подъезда вышли жильцы, Жанна проскользнула мимо них, оставшись неузнанной, неопознанной. Легко взлетев по сотне ступеней, Жанна оказалась на нужном этаже и в нужной квартире. Она быстро разделась и подошла к своей сумке, которую вчера специально оставила тут. Уж больно тяжёлая та была: щетки, флаконы, баллоны, тубики, опрыскиватели, спреи. Все дорогое, профессиональное, купленное в специализированных магазинах для клининговых служб.

Жанна изучала средства для уборки, знала досконально о каждом из них. Что, чем и как чистить. Было недопустимо испортить дорогой предмет в квартире из-за незнания, например, времени выдержки средства на каждой из известных поверхностей. Некоторые приспособления Жанна выискивала в интернете и заказывала их по почте. Однажды она даже столкнулась в почтовом отделении с Мариной. Та получала посылку от родственников для своей дочери, а Жанна получала специальную громоздкую щётку для натирания паркета. Карина стояла почти в начале очереди, а Жанна, нагнув шапку на самые брови, перешла к другому окошечку.

Инстинкт скрываться и прятаться ввелся в ее кожу моментально. Жанна иногда сама не в силах была объяснить себе причину своего поведения. Она всё больше запутывалась,

и уже не знала, как будет выкручиваться потом. С молодыми людьми было проще. Никто так сильно не стал ей дорог, чтобы приходилось мучиться от своей тайны. Если ухажёр становился слишком настойчив и любопытен, Жанна расставалась. С подругами сложно. У них создался образ Жанны, который сначала не было желания разрушать, а потом уже не стало и возможности.

Может, это всё было от того, что Жанна с детства привыкла утаивать от окружающих пьянство своей матери. Ей было стыдно за такой порок близкого человека, и потом, она не хотела попасть в детский дом и покинуть мать. Имея дочь, женщина не опускалась окончательно, не могла себе позволить упасть на самое дно, ходила на работу, на родительские собрания в школу, завязывала девочке банты на праздник.

Какая горечь в том, что, когда Жанна нуждалась в матери, та пила и не обращала внимания на дочь, а теперь, когда Жанна взрослая и уехала, мать перестала пить и сама теперь нуждается в Жанне. Но отношения разрушены уже давно, близости нет и быть не может. Жанна никогда не сможет забыть, как мыла матери голову и пыталась привести ее в чувство перед посещением классного руководителя.

Наверное, с тех времён возникла необходимость убирать одной всю квартиру. С четырех лет Жанна, малютка с мочалкой в руках отмывает приставший к посуде жир, вычищает палас на снегу веником, сама утопая в сугробе. Классный руководитель всегда находила квартиру блестяще прибранной,

а мать Жанны, если не совсем трезвой, но не вызывающей сильных подозрений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.